

МАРИЯ ВОРОНОВА

Сестра молчания

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В75

Воронова, Мария Владимировна.

В75 Сестра молчания / Мария Воронова. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-244710-5

Ленинградское лето 1935 года. Старшая хирургическая медсестра военной академии Элеонора Воинова усыновляет дочь врагов народа. Радость в семье омрачается тяжёлой обстановкой в обществе — после убийства Кирова усилилась борьба с троцкистами, посыпались доносы. Среди арестованных оказалась медсестра-скандалистка, которая, спасая себя, может оговорить любого. Что делать? Хватать мужа, детей — и бежать на Крайний Север?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© М.В. Виноградова, текст,
2026

© Оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-244710-5

Остаток холодов Катя с Татой провели в Нижнем Новгороде у Антонины Алексеевны — сестры первой жены Александра Николаевича Стенбока. Это была настоящая русская красавица, степенная, дородная, с толстенной косой, уложенной короной на изящной головке, слишком маленькой для ее полного тела. Катя сразу прониклась к ней симпатией, а Таточка, по своему обыкновению, нет. Была у нее одна интересная черта: первые десять минут воспринимать в штыки любое новое знакомство, мгновенно, словно в магнелийской вспышке высвечивать недостатки человека, ехидничать над ними, порой очень зло, а слив яд, завязывать добрые и искренние отношения. Вот и при первой встрече с Антониной Алексеевной, прошипев Кате на ушко про купчиху и Кустодиева, Таточка вскоре сменила гнев на милость, тем более что в их положении изгнанниц они имели право испытывать только благодарность к женщине, приютившей их.

Антонина Алексеевна была бездетной вдовой и зарабатывала на жизнь, преподавая французский в университете. Кажется, она радовалась гостям, нарушившим ее одиночество, а может быть, просто хотела оказать услугу зятю, которого искренне любила.

Катя с Татой, растерянные от внезапных перемен, целыми днями бродили по городу, как туристы, осматривая

достопримечательности и удивляясь, насколько не похожи бывают города.

Здесь, в Нижнем, точнее в Горьком, как он теперь назывался, не случалось морских промозглых ветров, и небо в ненастье не становилось жемчужно-серым и мерцающим. Вся жизнь была ярче, теплее и степеннее. Ленинград — это серый шерстяной шарф толстой английской вязки, а Горький — пестрая шаль с цветами и птицами.

Уютный и гостеприимный город, прекрасная Антонина Алексеевна, но Катя понимала, что это только передышка.

Когда Катя, отодвинув обеденный стол и расстелив свой матрасик, укладывалась спать, ее охватывал ужас и тоска об еще одном бессмысленно прожитом дне.

Сердце сжималось, во рту пересыхало, и вообще делалось так тревожно, что хотелось немедленно вскочить и куда-то бежать, лишь бы не оставалось все как есть.

Катя не боялась препятствий и трудностей, нет, ее страшило совсем другое. Она не знала, что делать и куда идти. Чувствовала себя будто в кошмарном сне, когда хочешь выбраться из незнакомого дома, но все двери захлопываются перед твоим носом. Путь к исполнению главной мечты жизни — выучиться на врача — был отрезан, а как только она смирилась, освоилась с работой медсестры — лишили и этого. Что же дальше?

Сколько себя помнила, Катя засыпала, точно зная, что будет делать, когда проснется. Всегда была цель, всегда был план, всегда было место, где ее ждут. Теперь нужно было только придумать, как убить время. Тата всегда говорила, что как у Российской империи было только два союзника — армия и флот, так у женщины только два врага — зависимость и праздность. Что ж, Катя старалась этих демонов в свою жизнь не допускать, но, похоже, проиграла борьбу. Она не работает, не учится, живет милостью Таты и, страшно сказать, Стенбока. Он прислал на имя Антонины Алексеевны крупный денежный пе-

ревод, который Катя и Тата хотели отослать Александру Николаевичу обратно. Но Антонина Алексеевна посоветовала этого не делать. «Деньги — меньшее, о чем вам сейчас следует беспокоиться, — повторяла она, — а как все наладится, так сразу и вернете долг». Вот, думала Катя, получается, что она живет на деньги мужа, который ей муж только по документам. Позорное, нелепое положение, и выхода из него не виделось.

Катя сжимала кулачки под одеялом, но тут приходила из ванной Антонина Алексеевна, садилась на кровать в белой ночной сорочке с кружевами и начинала расчесывать свои роскошные тяжелые волосы, следом появлялась Таточка в халате с драконом, под которым была ее любимая клетчатая пижама, устраивалась на диване, и начинался у дам долгий азартный разговор о бюрократизме в высшей школе, о студентах-разгильдяях и дураках-преподавателях.

Ничего особенного не говорила Антонина Алексеевна, но в ее плавной певучей речи слышалось спокойствие, а значит, и надежда.

Закончив костерить порядки в высшей школе, дамы переходили к воспоминаниям. Сквозь подступающий сон и пуховое одеяло Катя слушала про учебу в гимназии, про парфетин и мовешек, про кондитерские и модные лавки с французскими названиями, которых она никогда прежде не слышала, про знаменитую Нижегородскую ярмарку и многое другое. Все это была, конечно, суeta суeta, на которую Тата прежде обращала очень мало внимания, и теперь, кажется, совсем по ней не скучала, но Катя чувствовала, что ей приятно говорить с Антониной Алексеевной, человеком, за которого она не отвечает и с кем может чувствовать себя на равных. И совсем на пороге сна Катя понимала, что Таточка устала нести груз заботы о внучатой племяннице.

Пора, пора жить своим умом...

Иногда Катя подолгу смотрела на фотографию в легкой серебряной рамке, стоящую на письменном столе Анто-

нины Алексеевны рядом с портретами родителей и синего стекла стаканчиком для карандашей. На этом снимке молодой Стенбок стоял, положив руку на плечо девушке в светлом платье. Ее большие лучистые глаза смотрели вперед ясно и твердо, и Кате становилось грустно, что девушки давно нет в живых, а она невольно, пусть и не по-настоящему, заняла ее место. Глядя на Александра Николаевича, Катя испытывала привычное удивление от мысли, что человек меняется, и десять лет назад мог быть совсем другим, чем ты его знаешь, значит, даст бог, еще через десять лет снова изменится и станет по-другому другим. Внешне Стенбока вполне можно было узнать, от того юного русского офицера его отделяла лишь пара морщинок, но на фотографии в его чертах проступало что-то неуверенное, ласковое, то, что теперь совершенно исчезло. Как и щегольские усики, придававшие молодому Александру Николаевичу слегка глуповатый и оттого беззащитный вид.

Однако Катя больше думала о девушке. Она была очень похожа на Антонину Алексеевну, такая же красавица, только тонкая, изящная и решительная. Катя смотрела и никак не могла набраться смелости, чтобы спросить Антонину Алексеевну, какой была ее сестра...

«Он и так слишком много для меня сделал, дал мне свое имя и покровительство, я должна оставить ему его прошлое», — вздыхала Катя и виновато отводила взгляд от фотографии.

Время летело очень быстро в праздности и каком-то лихорадочном, растерянном ожидании непонятно чего, и когда Катя получила письмо от Александра Николаевича, то с удивлением поняла, что живет у Антонины Алексеевны уже две недели. А казалось, только-только приехали.

«Душа моя!..» — писал Стенбок своим четким бездушным почерком. Катя удивилась, а Таточка только улыбнулась грустно: «Знаешь, позволь ему эту вольность, ведь ес-

ли человеку не к кому обратиться «душа моя», то участь его очень печальна». Кате сразу захотелось написать в ответ что-нибудь ласковое, но дальнейший тон письма был сухим и деловым, и она решила, что это обращение для конспирации.

Александр Николаевич сообщал, что жизнь идет своим чередом, все здоровы и благополучны. Он заходил к Кате на квартиру, внес за комнату и предупредил ответственную съемщицу, что Холоденко скоро вернутся.

«Бабушка, — писал Стенбок дальше, — насколько я могу судить, вполне здорова. Скорая не была ни разу, так же и за консультациями она не обращалась. Думаю, болезнь утихла, хотя отсутствие симптомов еще не говорит о выздоровлении. Тамара Петровна, как опытный клиницист, тут должна со мной согласиться».

Таким бесхитростным шифром Александр Николаевич сообщал, что за Катей не приходили. В самом деле, если бы к ней нагрянули и не нашли, в домоуправлении об этом знали бы и коммунальные платежи у Стенбока не приняли. Все бы только и спорили, кому занять комнату разоблаченных врагов народа, а оплата вперед помешала бы сделать это немедленно.

Определенно не приходили за нею и в академию, Стенбок, как начальник клиник, не мог бы этого не узнать. Получается, гроза миновала? Или грозы и не было, так, небольшая тучка на горизонте? Может быть, НКВД не так всемогущ и беспощаден и отказ стать секретной сотрудницей не обязательно означает ссылку или лагерь? Зря, наверное, они с Таточкой трусили и сорвались с места, а уж в фиктивный брак она точно вступила напрасно...

Что же делать? Бояться дальше или встретиться с опасностью лицом к лицу? Долго пользоваться гостеприимством Антонины Алексеевны они не смогут, а больше никого не осталось, кто мог бы их приютить. Антонина Алексеевна го-

ворит, что ей очень нравится компания, она устала от одиночества, но даже если это правда, а не просто вежливость, соседи по квартире от одиночества вовсе не устали, и лишние люди в местах общего пользования им совершенно не нужны. Люди они приличные, поэтому пока терпят, но надолго ли их хватит? А даже если и надолго, все равно придет участковый милиционер с проверкой и обнаружит нарушение паспортного режима. В самом лучшем случае Стенбок внесет за комнату еще раз, а потом составят акт о непроживании и выпишут их с Таточкой из комнаты, так что им совсем некуда будет возвращаться. Станут они, что ли, божьи люди, «калики перехожие»... Брр, лучше уж в лагерь. Можно отправиться в какую-нибудь глубинку, где такая острая нехватка медиков, что на такие важнейшие вещи, как социальное происхождение и партийная принадлежность, смотрят сквозь пальцы, но Тате, в ее возрасте, будет уже тяжело привыкать к деревенской жизни.

На следующий день после письма Тата рано утром ушла куда-то с таинственным видом, а вернувшись, огорошила известием, что ее берут хирургом в поликлинику, расположенную через дорогу от дома Антонины Алексеевны, и дают комнату в этом же доме. Комната, правда, небольшая, в одно окошко, но две компактные женщины очень удобно в ней поместятся. Она сказала, что получить работу не составило для нее ни малейшего труда, ибо в горздраве каждый второй начальник либо у нее учился, либо радовался, что учился не у нее, а у более снисходительного преподавателя. В общем, все были счастливы, горздрав — что заполучил превосходного специалиста, а Таточка — что вернется к любимой работе.

Тут Катя поняла, что ей пора собираться домой. Бегство, замужество, эти дикие поступки были продиктованы страхом, причем больше за Таточку, чем за себя. Наверное, она, охваченная ужасом, не могла трезво оценивать происходя-

щее и бежала от мнимой опасности. Теперь, когда у Таточки есть работа и крыша над головой, можно спокойно подумать — не губит ли Катя свою жизнь из-за пустых страхов? Не прячется ли под бабушкиной юбкой от беды, которой не существует?

В самом деле, если НКВД ее не ищет, то ей ничто не угрожает, а если ищет, то и в Нижнем легко найдет, и тогда Таточка серьезно пострадает.

Так уговаривала себя Катя, хотя внутренний голос еще прежде этих стройных логических заключений сказал ей, что пора ехать домой.

Услышав о планах Кати, Таточка нахмурилась, но спорить не стала.

— Мне надо работать, — оправдывалась Катя, — не могу же я до старости сидеть у тебя на шее! Очень жаль, что из-за страха я потеряла хорошее место, но ничего. Пойду сестрой, куда возьмут, а осенью попробую восстановиться в институте.

— Что ж, может, к тому времени кризис минует, — кивнула Тата, — но уверенности в этом нет.

— Что ж, буду сестрой.

Тата посмотрела в окно, на радостное весеннее солнце.

— Знаешь, Катенька, — задумчиво протянула она, — ты ведь всю жизнь провела бок о бок с одинокой подвижницей и другого ничего просто не знаешь. Для тебя это единственная достойная форма существования белковых тел.

Катя засмеялась:

— Так точно, Таточка.

— А между тем жена и мать семейства тоже важная и почетная роль. Ты, увы, не помнишь своих родителей, не видела, как они поддерживали и оберегали друг друга. Не было у тебя перед глазами примера счастливого супружества, чтобы ты могла решать, какая жизнь тебе подходит. Самостоятельность и любимое дело хороши для меня,

а твое призвание, может быть, в том, чтобы радовать мужа и растить детей.

— А совмещать нельзя? — улыбнулась Катя.

— Наверное, можно. Я в юности прикинула для себя, что нет, но нынче время изменилось и мужья стали снисходительней, — хмыкнула Тата, — так что не исключаю, что у тебя все получится. Почему бы и нет? Я просто хочу обратить твое внимание, что существует такая огромная сфера жизни, как супружество и семейное счастье, о которой мы с тобой знаем только понаслышке. Я когда-то сознательно отказалась от этого, но ты вовсе не обязана следовать моему примеру.

Катя снова засмеялась:

— Да я уже, Таточка, и не могу, я ведь вроде как замужем.

Тата лукаво приподняла бровь. Она, наивная душа, все-рез надеялась, что Катя с Александром Николаевичем станут настоящими мужем и женой. Это, разумеется, был абсурд и утопия, но Кате было почему-то приятно, что бабушка так думает.

— В общем, душа моя, — посерьезнела Тата, — боязно мне тебя отпускать, но ты действительно выросла, и пора тебе жить самой и решать самой, без оглядки на меня. Главное, будь внимательна и осторожна и при первых же признаках опасности мчись ко мне сюда.

С чувством, что жизнь потихоньку налаживается, Катя тщательно вымыла новую Таточкину комнату, уютную для одного человека и маленькую для двоих, повесила на свежeweымытое окно ситцевые занавески в аляповатый, но нарядный цветочек и вместе с Татой принялась отбиваться от Антонины Алексеевны, но безуспешно. Диванчик и узкий пенал силами отстающих студентов были перенесены из ее апартаментов в новую Таточкину комнату.

Антонина Алексеевна категорически настаивала, что, приняв мебель, Тамара Петровна сделает ей огромное одолжение, ведь после уплотнения в единственной оставленной

ей комнате стало, прямо скажем, тесновато. Мебель старинная, с историей, выбрасывать жалко, продавать противно, а послужить хорошим людям — то, что надо. Тем более она собирается часто навещать Тамару Петровну, а заодно и любимые предметы интерьера.

Катя радовалась, что оставляет Таточку в хорошей компании, но на сердце все равно было тревожно.

Она была уверена в принятом решении, но, прощаясь с Татой на перроне, не смогла сдержать слез.

— Как же я буду? — всхлипнула Катя, расчувствовавшись самым недостойным образом. — Что же я буду делать без тебя, Таточка?

Теплая рука провела по щеке, вытерла слезы, совсем как в детстве.

— Что делать? Ошибки, Катенька. Но это не страшно.

* * *

В последние дни Элеонора стала замечать, что отношение на службе к ней сильно изменилось, так, будто она кого-то обидела, обделила премией или смертельно оскорбила, и так очевидно несправедливо, что содрогнулся весь дружный коллектив. Официально, на уровне слов, или, как выразился бы Костя, вербально, это никак не проявлялось, но женский коллектив тем и хорош, что умеет выразить свои чувства без единой реплики. Ни одного худого слова в ее адрес не было сказано, но сегодняшний «Добрый день, Элеонора Сергеевна» отличался от «добротного дня» недельной давности, как ночь от дня. Молчаливые сдержанные кивки, вздернутые подбородки, красноречивые складки губ — все это говорило о том, что она серьезно набедокурила, а между тем Элеонора не чувствовала за собой никакой вины.

Она даже со склоницей Еленой Егоровной простилась ласково, что было не трудно, ибо Элеонору переполняла ра-

дость избавления от столь ценного сотрудника. Она почти искренне поблагодарила Антипову за самоотверженный труд и пожелала ей на новом месте всего самого хорошего. Может быть, Елена Егоровна пустила слух, что Элеонора ее выжила? Но все знают, что она перешла в терапию, потому что там освободилось место секретаря партачейки.

И что было совсем уж странно, даже старшая планового оперблока больше не забегала к ней поболтать и не звала к себе на чай. Татьяна Павловна соблюдала субординацию с подчиненными, но вообще была тетка свойская и с равными по должности любила посплетничать, рассказать какой-нибудь свеженький курьез или конфуз. Однако последние дни не появлялась, не заглянула даже в четверг, операционный день ее любимца Бесенкова, после которого никогда не наблюдалось недостатка в свежих курьезах и конфузах.

Элеонора тщательно перебирала в памяти события последних недель, но не находила ничего, чем могла бы так круто насолить обоим оперблокам. Как-то у Кости был пациент, полярный летчик, и он говорил, что золотое правило навигации — если не знаешь, где находишься, ни в коем случае не меняй курса. Вот и Элеонора, хоть ее тяготил этот скромный бойкот, старалась вести себя как обычно, надеясь, что или дело как-нибудь выяснится, или сестры вдоволь надышатся ядовитой атмосферой и сами перестанут.

Ясность пришла с неожиданной стороны, от Руфины Михайловны, молодого оториноларинголога, или, как сестры запросто называли ее, лорши.

Это была приземистая женщина, вполне миловидная, не смотря на полноту. Оперировала она очень прилично, но, увы, с Элеонорой не сработалась. Как часто бывает, несовершенство формы молодая женщина компенсировала великолепием окраски. Вне стен операционной броские цветастые наряды и яркая косметика на лице Руфины Михайловны совершенно не беспокоили Элеонору, однако допустить к ране челове-

ка с пудрой и помадой на лице она категорически не могла. Хирург потеет, частички косметики, состоящие бог знает из чего, но точно несущие на себе микробы, сыплются в операционное поле, чтобы потом взойти в виде гнойника. Про то, что вся косметика остается на хирургической маске, которую потом почти невозможно отстирать, Элеонора уже даже и не думала. Понимая, что Руфина — врач, а она всего лишь медсестра, Элеонора отозвала лоршу в сторонку и тихонько попросила снять косметику. Та резко ответила, что сама знает и не медсестре ее учить. От такой наглости Элеонора оторопела. Она привыкла подчиняться указаниям врача, но только не в части асептики и антисептики. Тут самый ответный хулиган и самый академический академик склонял голову перед сестрой и покорно шел перемываться, если ей казалось, что он сделал это недостаточно тщательно или случайно коснулся чего-нибудь нестерильного. И вдруг такое... Опомившись, Элеонора сказала, что не даст Руфине Михайловне мыться на операцию, пока та не умоет лицо. Это все слишком было похоже на то, как мать окунает в таз с водой дочку, излишне дерзко раскрасившую себя для приманки женихов, но иначе поступить Элеонора просто не могла. Прошипев сквозь зубы что-то невнятное, Руфина Михайловна сняла косметику, под которой у нее обнаружилось совсем другое лицо, нежное и простое, Элеонора проассистировала максимально уважительно, но все равно остался между дамами некий холодок, замаскированный приторной вежливостью.

Вот и сегодня, закончив операцию, поблагодарив бригаду и дождавшись, когда больного увезли и они с Элеонорой остались в операционной вдвоем, Руфина Михайловна сладенько улыбнулась:

— А вы, оказывается, страшный человек, Элеонора Сергеевна!

— Я?

Руфина лукаво хихикнула:

— Так бдительно стоите на страже своего семейного счастья! Я теперь прямо боюсь лишний раз подойти к Константину Георгиевичу...

— Он тоже вас пугает?

— Ну я не хочу, чтобы со мной случилось то же, что и с Катей Холоденко.

Элеонора пожала плечами:

— А что с ней случилось?

— Вам лучше знать, — хмыкнула Руфина Михайловна и стала снимать операционный халат.

Элеонора машинально подошла, развязала тесемки на ее спине.

— Спасибо, — так же машинально кивнула Руфина, скомкала халат и бросила к остальному использованному белью, — давайте я вам тоже помогу.

— Благодарю. И, Руфина Михайловна, — сказала Элеонора, чувствуя, как ловкие маленькие пальцы аккуратно трудятся над узлами, которые ей слишком крепко завязала санитарка, — я понятия не имею, что случилось с Катей, так что если вы что-то знаете о ней, то я тоже хотела бы знать...

— Ой, Элеонора Сергеевна, не притворяйтесь, это даже смешно! — фыркнула Руфина у нее за спиной. — Всем известно, что вы попросили свою подружку Павлову запугать Катю, чтобы она уволилась, потому что у них с Воиновым начинался роман!

От удивления Элеонора шагнула вперед, чуть не оторвав завязки халата, бывшие у Руфины в руках.

— Господи, какой бред!

— Однако единственное разумное объяснение внезапному увольнению, — отрезала Руфина, — работала-работала, и вдруг одним днем ушла, потому что, видите ли, вышла замуж! За кого? Что это за муж такой, ради которого надо уволиться так стремительно и таинственно?

Элеонора решительно спустила халат с плеч и переступила через него. Сама развязжет непокорные узелки.

— Поверьте, Руфина Михайловна, я понятия не имею... — тут она осеклась, потому что не умела и не любила лгать.

— Да будет вам! Выжили девчонку, только дальше-то что? Вы лучше меня знаете, что мужчины операционными сестрами не работают, только женщины, и большинство молодые и хорошенькие. Не Катя, так другая будет. Ее тоже вышвырнете?

Элеоноре стало противно.

— Простите, мне нужно работать. Давайте не будем обсуждать досужие сплетни в служебное время.

— Конечно, не будем! Только я вас прошу... — лорша сделала вид, что смутилась и замаялась, — мне ведь приходится общаться с Константином Георгиевичем по службе, так вы уж не считите это за флирт.

Элеонора хотела сдержаться, но слаб человек:

— Не беспокойтесь об этом, Руфина Михайловна, — сказала она, улыбаясь так приторно, как только возможно, — могу гарантировать, что в отношении именно вас у меня никогда не возникнет ни малейших подозрений.

Врач удалилась, сквозь зубы процедив что-то вроде «буду вам очень признательна», а Элеонора принялась собирать использованное белье. С санитарками все еще было туго, и огромную часть их работы приходилось делать сестрам.

Итак, в академии прочно циркулирует сплетня, что у Кости с Катей был роман, жена узнала и при содействии партийных органов заставила девушку уволиться. Получается, Костя как минимум бонвиван, Катя — легкомысленная, а они с Павловой — две мегеры, использовавшие служебное положение в личных целях.

Интересно, в чьей прекрасной голове родилась эта стройная теория? Елена Егоровна? Возможно, но не факт. С другой стороны...

Элеонора аккуратно сложила белье на простыню, расстеленную на полу, и завязала ее в компактный узел.

С другой стороны, Руфина не так уж не права, со стороны это кажется единственным разумным объяснением. Пожалуй, если бы Элеонора точно не знала, что она ничего не делала, то поверила бы, что из ревности выжила Катя Холоденко.

Павлова ведь до сих пор молчит, ограничивается туманными намеками, что с Катей все хорошо, она жива и здорова. Но на свободе ли? Естественно, Мария Степановна ничего не сказала вслух, и только по многозначительным взглядам и гримасам Элеонора поняла, что Катя бежала от НКВД. А куда бежать, как скрыться от этой организации, когда каждый твой следующий шаг должен быть подкреплён ворохом бумажек? Без документов сейчас не проживешь, ни заселиться, ни на работу устроиться. Из любой точки страны пошлют запрос по месту прописки, а там сразу сообщат, что ты в розыске, и тебя преспокойненько арестуют. Если избегать внимания официальных властей, то единственный путь — скитаться, прятаться, барахтаться на дне жизни вместе с уголовниками, а на это Катя не пойдет ни за что, тем более не пойдет Тамара Петровна, которая уехала вместе с нею.

Ветошь, плавающая в тазике с дезинфицирующим раствором, была похожа на облачко или упитанного барашка. «Жертвенного агнца», — усмехнулась Элеонора, отжала «агнца» и принялась протирать операционный стол, стараясь не пропустить ни миллиметра.

«Нет, не убежать, не спрятаться... — вздохнула она, — и Катя не затеряется в толпе, если за нее всерьез возьмутся, и нам негде скрыться... И ведь никогда заранее не знаешь, когда за тобой придут, ты же не совершил никакого преступления. Поэтому думаешь, ложаешься спать, что сегодня был такой же день, как и вчера, значит, ночью не придут,

а завтра я что-нибудь придумаю. Но приходят, а ты вроде как и ждал, а все равно оказываешься не готов...»

Элеонора прополоскала ветошь в тазике. В первые годы после революции она была готова к аресту. Примирилась со своей скорой смертью, с тем, что у нее не будет счастья материнства, силы зрелых лет и спокойствия старости. В те годы она готовилась умереть и проживала в своих мечтах жизнь, которой у нее никогда не случится. Но время шло, взбудораженная страна успокаивалась, входила в нормальное русло. Костя вернулся с войны израненным, но живым, и вскоре почти совсем поправился. Они поженились, родился Петр Константинович, такой хороший сын, что порой Элеоноре становилось от этого страшно. Они занимались любимым делом, приносили пользу людям, и казалось, что террор остался позади, в прошлом, а в будущем ждет нормальная, естественная жизнь с простыми человеческими отношениями и справедливым законом. Надежды не оправдались, приходится снова привыкать бояться, а так не хочется... Как же не хочется... Душа и даже тело изо всех сил противятся, желают ходить прямо, дышать полной грудью, не озирайтесь пугливо, не вздрагивать от каждого неосторожного слова...

Элеонора резко тряхнула головой, отгоняя тоскливые мысли, опустилась на крутящуюся табуретку, стоящую возле широкого подоконника, и засмеялась. Пока не арестовали, можно повеселиться над тем, что она теперь навсегда останется в памяти потомков злобной ревнивой женой. Никто не вспомнит о том, как хорошо она работала, каким корифеем подавала на операциях, как усердно внедряла в практику правила асептики и антисептики. Больше она не будет той Элеонорой Воиновой, которая добилась разделения на плановый и экстренный блоки и внедрила много еще разных мелочей, позволивших снизить процент гнойных осложнений. Все, теперь отныне и навек она старая мегера, которая выживает молодых и красивых медсестер за один только нежный взгляд

в сторону своего мужа. И никак не оправдаться, разве что Катя объявится и расскажет правду, да и то дамы покачают головами и вздохнут, что так-то оно так, но дыма без огня тоже не бывает. Да, когда на собственной шкуре испытаетшь силу людской молвы, поневоле задумаешься, а были ли древние развратники вроде Калигулы и Мессалины такими развратниками, как о них теперь говорят? Или досужая сплетня оказалась приятной людям и оттого прижилась?

С этой мыслью Элеонора решительно встала с табуретки. Хватит философствовать, надо думать, как возвращать доверие коллектива.

* * *

Слушая обстоятельную речь профессора Бесенкова, Мура с трудом держала глаза открытыми. К сожалению, она сидела в президиуме, поэтому обязана была не спать, а не только делать вид, что не спит, как большинство в аудитории. Черт возьми, даже зевнуть ей было неприлично.

Хорошо поставленным голосом Бесенков размеренно вещал о том, что только под неусыпной заботой товарища Сталина и благодаря принципам марксизма-ленинизма советская медицина вышла на самые передовые рубежи мировой науки. Больше того, советская медицина самая прогрессивная медицина в мире, ибо служит не жалкой кучке буржуев, а всему советскому народу.

Можно смеяться над напыщенной манерой Бесенкова, но что бесплатная медицина — великое благо и важнейшее завоевание революции, тут никто не станет спорить. Заболел — пошел лечиться, и не надо думать, хватит ли у тебя денег заплатить врачу и аптекарю. Единственное, о чем беспокоишься, — излечима твоя болезнь в принципе или нет. Остались еще нюансы, родимые пятна капитализма, например, денег не надо, но если у тебя нет нужных свя-